«Лит. Россия», 1978, 6 окт

ЧТО РИСОВАЛ ДОСТОЕВСКИЙ

ЧЕРНОВИКИ Федора Михайловича Достоевского. На страницах записных книжек порой встречаются рисованные рукою писателя лица, стрельчатые готические оконца, дубовые листья...

Мне пришлось несколько лет заниматься рукописями великого романиста, в частности его рисунками. В этих известных и малоизвестных набросках стали проступать новые черты.

В своих «Воспоминаниях» Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, так описывает один из семейных эпизодов зимы 1874/75 г.:

«...я прослышала, что торговцы в рядах получили с Нижегородской ярмарки партию нагольных полушубков для взрослых и детей, и как-то сказала об этом мужу. Он очень заинтересовался, сказал, что сам когда-то ходил в нагольном тулупчике, и захотел купить такой же для нашего Феди... Мы выбрали несколько и просили прислать нам на дом для примерки. Один из них светло-желтый, с очень нарядной вышивкой на груди и полах, чрезвычайно понравился Федору Михайловичу и пришелся как раз по фигуре нашего сына. ...одетый в тулуп и подпоясанный красным кушаком, наш толстый, румяный мальчик выглядел совершенным красавцем. Заказали и девочке нарядное пальтецо, и муж каждый день осматривал детей перед их прогулкой и любовался ими».

Все это происходило в Старой Руссе, где Ф. М. Достоевский в то время работал над романом «Подросток». В рукописях к этому роману мы встречаем такой рисунок: мальчик в тулупчике, руки его небрежно засунуты в карманы, на лице — выражение крайнего самодовольства. Косвенным доказательством того, что на этом рисунке изображен сын писателя, служит следующее обстоятельство. Столь редкая для Достоевского изобразительность рисунка сочетается с редкой несвязанностью его с текстом той же страницы рукописи. Видимо, объяснение надо искать не в произведениях, а в мире внешних впечатлений, о которых и пишет в своих воспоминаниях А. Г. Достоевская.

Рисунки Ф. М. Достоевского, как правило, выполнены на довольно высоком профессиональном уровне, при всей их незаконченности и эскизности. Здесь уместно вспомнить, что в Петербургском военно-инженерном училище, где Достоевский провел пять лет, преподавались черчение и рисование. О качестве преподавания этих предметов можно судить по тому, что один из однокашников великого писателя, К. Трутовский, стал известным художником.

Нельзя, конечно, сказать, что Ф. М. Достоевский увлекался, как, например, М. Ю. Лермонтов, живописью. По-видимому, этот предмет не входил в число самых любимых. Однако навык рисования, полученный им в стенах училища, остался и хорошо заметен. Пример тому — графические портреты. Здесь не только анатомическая точность изображения, но и техническая добротность, небезуспешная попытка выразить характер, особая манера штриховки. Это старинный (применяющийся в черчении до сих пор) способ наложения тени, при котором линии второго слоя ложатся под углом к предыдущему. Перед нами — наглядный образ глагола «стушеваться», слова, которое, как считал сам Ф. М. Достоевский, вошло в русский язык через его произведения из школярского выражения, бытовавшего в Главном инженерном училище.

Годы, проведенные в училище, оставили свой след и, сознательно или бессознательно, проявлялись в творчестве. В «Зимних заметках..», написанных по свежим впечатлениям от первой в жизни поездки в Западную Европу, есть такие строчки:

«...Я много ожидал от собора (Кельнского — К. Б.); *я с благоговением чертил его еще в юности, когда учился архитектуре. В обратный проезд мой через Кельн... я увидал собор во второй раз, я было хотел «на коленях просить у него прощения» за то, что не постиг в первый раз его красоту...».*

Готическими мотивами исчерчены сотни страниц черновиков Достоевского. Но порой готическая вязь вдруг становится похожей на традиционные украшения русских изб. И рядом — нечто напоминающее купол мечети, внутри которого тоже можно увидеть готическое окно.

Достоевский часто новым пером выписывал: «Проба». Писалось это, как правило, каллиграфически. При этом, особенно на ранних этапах работы над произведением, возникала и «проба» графическая — рисунок в духе «фантастического реализма», как определял свой творческий метод сам писатель.

Старик с длинной бородой. Если мы перевернем лист, то возникнет круглая детская физиономия с ночным колпаком на макушке. Рисованная игра в черновике Ф. М. Достоевского приобретает нешуточный смысл: проблема взаимоотношений поколений, младенчество и старость как границы осуществления личности — темы, которые не переставали интересовать писателя на всем протяжении его творчества.

Особое место занимает рисунок из «Записной книжки», где содержатся записи к «Преступлению и наказанию». Это практически единственный крупный по размерам набросок, где фигура дана в полный рост. Кроме того, это, пожалуй, единственное в своем роде изображение женщины в рисунках писателя.

Поражает все — поза, откинутый назад корпус, поднятая правая рука, испуганное лицо, сощуренные глаза, полураскрытый в крике рот... Ничего подобного Достоевский не рисовал никогда. Поэтому вполне естественно было бы предположить, что для столь необычного рисунка должны существовать и столь же неординарные причины. И они отыскиваются. Из двух источников — сопутствующего текста и биографии Ф. М. Достоевского.

Страница 106 я из «Записной книжки» к «Преступлению и наказанию» была заполнена в декабре 1865 года. Это было трудное время для Достоевского: правительственная реакция, банкротство «Эпохи» — журнала братьев Достоевских. Смерть жены, Марии Дмитриевны Достоевской.

Известно, что Марию Дмитриевну и ее первого мужа — Исаева — писатель изобразил в романе «Преступление и наказание» как супругов Мармеладовых. Еще в Семипалатинске Достоевский написал о своей будущей жене А. Е. Врангелю так:

«Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири... что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное — ...у ней сердце рыцарское: сгубит она себя».

Женское лицо на рисунке Ф. М. Достоевского — округлое, с правильными, нежными чертами, ямочкой на подбородке, с резко очерченными бровями, с недлинными кудряшками, обрамляющими высокий выпуклый лоб, — чрезвычайно напоминает лицо Марии Дмитриевны. Склонная к экзальтации, обладающая твердым характером, но нежной душой, легкоранимая, Катерина Ивановна Мармеладова, так же как и ее прототип, страдает «от последних лет ее жизни». Характерно, что о браке с Марией Дмитриевной сам писатель однажды выразился так: «Связало нас страдание».

Сделанный на следующий год после смерти жены, рисунок восстанавливает для Достоевского ее живой облик. Здесь очень важно, что получилась именно фигура, поза, движение — одного лица, очевидно, нарисованного вначале. Достоевскому показалось мало для воскрешения в памяти умершего друга.

К. БАРШТ,
научный сотрудник
Музея Ф. М. Достоевского
ЛЕНИНГРАД